

18+

Татьяна Васса

Ипатыч

Мистическая история

Татьяна Васса
Ипатыч. Мистическая история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71678470

ISBN 9785006549364

Аннотация

Мистическая история, происшедшая в наши дни в одном из отдаленных сёл. В этом селе жил странный человек, и вот однажды он умер...

Ипатыч

Мистическая история

Татьяна Васса

© Татьяна Васса, 2025

ISBN 978-5-0065-4936-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Древнюю избушку за деревянным мостком через ручей сельчане обходили стороной. Впрочем, это было не трудно. Она и так находилась в стороне. Проживал в ней одинокий старик Ипатыч, сухощавый и нелюдимый. Никого у себя не принимал «на беседу», ни с кем не останавливался перекинуться парой фраз «за урожай», и вообще ни с кем не разговаривал. Если поздороваается кто, то буркнем в ответ что-то нечленораздельное, блеснув глазами из-под густых седых бровей.

Деревенский народ пугливый. Если что не понимает, то непременно досочинит. Вот и про Ипатыча ходили разные байки. Кто говорил, что дед – явно колдун, что ночами видят у него над печной трубой странное зелёное свечение, что

из избушки в полнолуние вылезает всякая нечисть и подпирает у честных сельчан двери снаружи, чтобы те не могли выйти из дома.

Слухи укреплялись ещё и тем, что собака у Ипатыча, такая же древняя и бессмертная, как и он, обожала выть. Выла натурально по-волчьи. Иной раз выйдет вечером в село, сядет напротив выбранного ей дома и принимается выть. Прогонят её палками, она подождёт и снова за своё. И действительно, на другой день в доме этом или покойник, или покалеченный, или падёж скотины. Боялись этой собаки больше, чем Ипатыча.

Раз в год приезжал к Ипатычу молодой мужчина, такой же молчун. Покупал на год дров, чинил изгородь, да и по дому кой-чего. Стучал, пилил, строгал. Привозил на своём внедорожнике остатки бросового горбыля с неработающей уже пилорамы. Что-то там мастерил из него на грядках. И, прохозявав таким образом неделки две, уезжал и снова целый год его никто не видел.

Сельчане гадали: «Сын, не сын, может быть, родственник какой?». Но разведать никто ничего не мог, хотя любопытство истязало беспощадно не только женское, но и мужское население.

Страх, смешанный с любопытством – неиссякаемый источник интереса к персоне, их вызывающей. Редкий день

обходился без того, чтобы кто-нибудь из сельских жителей, нет-нет, да и помянул имя Ипатыча всеу.

Весна в том году наступила стремительно. Ещё вчера морозец был под минус пятнадцать, а на утро всё стало киснуть под морозящим дождиком и на третий день всё вконец развезло. Из-под редких сугробов предательски выбегали мелкие ручейки, подтачивая их снизу, и бело-серые груды оседали и морщинились прямо на глазах.

Ипатыч уже третий день не приходил за оставленным ему в магазине хлебом. Наконец, самый смелый Сидор Ильич вместе с бабкой по прозвищу Кобра решились пойти к дому, справится, что там с нелюдимым стариком.

Собаки на удивление нигде не было видно. На длительный стук никто не открывал. Тогда Сидор Ильич, крупно перекрестясь, навалился на дверь плечом, да чуть было не упал в сени. Сырая погода укрепила разбухшую дверь в проёме, которая была не закрыта и при более сильном нажиме всё же поддалась. К удивлению Сидора Ильича на двери не было никакого замка, ни даже щеколды.

– Ётить! Да как же он живёт-то! – возмутился не порядку Сидор Ильич, шурясь в темноте, и правой рукой нащупывая вход в жилую половину. Обнаружив ручку двери, ещё раз

громко постучал.

– Ипатыч! Слышь, Ипатыч! Как ты сам-то?

Никто не отвечал. Подождав с полминуты Сидор Ильич тихонько приоткрыл дверь и замер. Бабка Кобра, у которой любопытство превозмогало даже самый страшный страх, подпихивала Сидора Ильича локтем в поясницу: «Ну? Ну что там? Да отодвинься же, чёрт пузатый!».

Сидор Ильич машинально посторонился, и тут сама уже бабка Кобра увидела Ипатыча, мирно лежащего на лавке под образами в красном углу со скрещенными на груди руками.

– Помер! Как есть помер! – запричитала бабка Кобра, бессмысленно затоптавшись от избытка впечатления в дверях, и наступив своим, обутым в калошу, валенком на ногу Сидора Ильича.

– Уууууйди, стерва! – вскричал грузный старик, которому бабка умудрилась приладить ногой на свежую рану под тонким сапогом. Ногу эту Сидор Ильич надрубил слегонца накануне, когда его Лукерья, выгнала из дому наконец-то доколоть остаток дров с зимы. Всякий знает, что рубит дрова по морозцу куда как веселее, чем в слякотную погоду. Уставшая рука у старика сорвалась и вместе с топором просвистела мимо полена. Хорошо, что он её как-то в воздухе су-

мел притормозить, а то быть бы ему без части ступни. И вот на эту-то обидную рану и умудрилась наступить любопытствующая не в меру Кобра.

Осторожно перешагнув через порог они чуть не вместе протиснулись в двери и тихонько подошли к распрямившемуся на лавке Ипатычу.

– Не дышит, кажись. Вот, ётить, дела-то какие... Давай-ка дуй за фельдшерницей, а я пока тут побуду, мало ли, –скомандовал Сидор Ильич, делающей приторно-скорбный вид бабке Кобре.

Бабка встрепенулась: «Да, да, да!». Её пёстрый подол только мелькнул в проёме двери. Большого счастья трудно было ей даже представить. Ещё бы, ей предоставлялась почётная возможность первой принести новость в народ. И какую новость! Живописно, в лицах представляя себе, как она будет описывать это происшествие сельчанам, сердце её ликовало и готово было уже совершенно вырваться за пределы старой кацавейки, которую носила в молодые годы ещё её бабка.

Первыми на дороге ей попалась группа сельских алкоголиков Гусёк, Капитонов и Маркуша. Они стояли рядом с перекрестком у старой церкви. Это было их обычное место для

сшибания на бутылку портвейна, а если повезёт, то и водочки. С этого перекрестка очень хорошо просматривалась вся округа, и было хорошо видно, кто и откуда идёт в единственный, оставшийся на селе, магазин.

Парни были ещё молодые, до тридцати пяти, но не сумевшие закрепиться в городе после окончательного падения колхоза и закрытия рыбцеха. Город, выплюнувший их обратно в село, оставил после себя серость, шум и постоянное чувство собственной неполноценности, которое они власть глушили спиртным всевозможного рода. Они знали наизусть, кто и когда получает из сельчан пенсию или бюджетную зарплату, и издали завидев, этого счастливца, высылали ему навстречу гонца, выбирая из себя персону, смотря по обстоятельствам. То ли будущая жертва была «добытчику» «по родне», то ли оставлена добрая память по какой-то помощи, в общем, действовали по интуиции и прошлой доброй памяти.

Завидев бабку Кобру, троица не проявила к ней особенного интереса. Бабка была скупа и сварлива и даже в знаменательный день получения пенсии никогда не давала на пузырьёк, отрубая, как разнузданный прапорщик, коротко и ясно: «Идите на...!».

Бабку Кобру просто распирало от просящейся наружу новости, она думала, что до магазина её просто не донесёт.

(Магазин лежал по пути к сельской амбулатории). Троица заметила, что бабка Кобра непроизвольно подгребает к ним, сияющая как новенький рубль, и несказанно этому удивились.

– Может, стрельнём? – спросил Маркуша с пробуждающейся надеждой.

– Да всё равно не даст.

– А спорим, даст!

Тем временем бабка Кобра была уже совсем близко.

– Ой, ребята, что сделалось-то, что сделалось! Ипатыч-то помер!

Эта новость настолько поразила всю троицу, полагавшую Ипатыча каким-то бессмертным существом, хотя и загадочным.

– ...! – выразил цепочкой непечатных слов всеобщее изумление неожиданной новостью, бывший кормач Маркуша.

Бабка Кобра чувствовала себя практически наместником Бога на земле, когда узрела, произведённый ею эффект.

– Ну, давай тогда, Матрёна Ивановна, соточку на помин души усопшего раба божия, нарочито-благоговейно произнёс Гусёк, спец по православным делам.

– Иди ты на...! – вошла в себя бабка Кобра. «Гады какие весь эффект смазали! Алкаши проклятые!» – бубнила она

про себя, быстро семена в сторону магазина.

– Говорил же, не даст, – обречённо произнёс Гусёк. И вся троица стала бурно обсуждать новость, сожалея, что не расспросила у Кобры подробностей.

– Глянь, Гитлер идёт! – прервал оживлённую беседу Маркуша. Гитлером звали Петровича, старого учителя математики, отличавшегося необыкновенной строгостью к ученикам. Несмотря на обидное прозвище, сельские ученики всегда сдавали вступительные экзамены по математике в любой ВУЗ очень легко. Троице было известно, что если попасть Гитлеру в настроение, то можно кое-чем и разжиться.

Навстречу Гитлеру для подготовки, можно сказать, к самому прощению был выдвинут Гусёк. По математике он был первым отличником в школе, за что Гитлер его очень уважал, но, встретив в пьяном виде, всегда бранил: «Что же ты, гад такой, делаешь? Мог бы в Бауманку поступить. Все-то мозги пропил...»

– Слышал, Петрович, новость-то? Ипатыч помер.

– Как помер? – неприятно остолбенел Гитлер, имеющий преклонные года и известие о каждой смерти воспринимавший болезненно, примеривая на себя могильный холод, страшившийся его до одури и потери самообладания.

– Да вот, помер. Щас только Кобра сказала. Будь человеком, Петрович, дай сколько-нибудь на помин души раба божия.

– Да, да, конечно... – рассеянно ответил Гитлер, запуская руку в карман идеально отутюженных брюк за старым кошельком. Кошелёк этот он не променял бы ни на какой новый, потому что подарен был ему на юбилей его супругой, бывшим преподавателем русского языка и литературы, Марьей Ивановной, которой не стало пять лет назад.

Той зимой была объявлена встреча с местным районным главой, которая должна была проходить в местном клубе. На эти встречи они всегда ходили вместе. Петрович обожал задавать провокационные вопросы, ставить начальство любого ранга в тупик, а потом, вечером, они с Марьюшкой долго обсуждали, какая бестолковая у них власть, не то, что в прошлые года. Иной раз впечатлений хватало на неделю. А в тот раз она вышла раньше его минут на пять, мол, догонишь по дороге. И как раз в этот момент её сбила машина этого самого главы, который сам был за рулём. Шестнадцать переломов, травмы, несовместимые с жизнью... Последние слова, которые услышала, отходящая в мир иной за заснеженной дороге, Марья Ивановна были: «Дура ты, дура!».

Как потом ни оправдывался Гитлер перед сельчанами, что это он от бессилия и горя сказал, все делали вид, что это он так нарочно говорит, а на самом деле – жестокий человек. Да и оправдывался он как-то неловко, как бы и не оправдывался вовсе, а констатировал факт. После смерти своей Марюшки, примерно с год в любую погоду он носил старомодные чёрные очки, для того, чтобы скрывать слёзы, которые непроизвольно появлялись у него при упоминании дорогой супруги.

Торопливо отдав сотку Гуську, Гитлер поспешил в магазин, чтобы застать подробности сенсационной новости, которой всюю трясла бабка Кобра среди продавцов и ошарашенных покупателей.

Тем временем, Сидор Ильич, делая боязливый, но пристальный осмотр скудного жилища Ипатыча, заметил листок бумаги, прижатый керосиновой лампой к грубым доскам стола. Посетовав, что не взял с собой очки и досадно побряхтев, Сидор Ильич поднес бумажку к окну и, отводя ее подальше рукой, наведя дальноточный фокус, прочел следующий текст: «Сидор Ильич, возьми из подполья деревянный ящичек с рисунком на крышке. Спрячь в своем доме. Никому не говори, а то прокляну до седьмого колена. Пса моего корми. В лес он ушел. Оставляй ему в миске на ночь, чего-нить. Ящичек можешь открыть. Что с эти делать позже

скажу.»

– Египетская сила! Да откуда он знал, что я тут буду возле него, да еще вот так, один! Да может он и не помер вовсе, а так, прикинулся? Тут Сидор Ильич пониже склонился над усопшим и даже пощупал у него пульс на ледяной руке.

– Да нет... Как есть натурально мертвый.

Не выходя из изумленного состояния, Сидор Ильич зажег керосиновую лампу и отыскав вход в подполье на маленькой кухоньке, обнаружил внизу у самой лесенки небольшой деревянный ящик с искусной резьбой на крышке. Ящик был не тяжелый, и Сидор Ильич стал смекать, как бы его незаметно вынести. Пришло ему в голову, что спрячет пока в дровяник, а там по темноте снесет домой. Едва он успел он осуществить свой нехитрый замысел, как увидел, что к дому направляется фельдшерица с чемоданчиком, за ней семенит Кобра, а за Коброй – Матвеевна, умудряясь хромать сразу на две ноги, Матвеевну поддерживала за локоть руководитель местной социальной службы Татьяна Петровна, которая то и дело останавливалась вдохнуть и вытирала со лба обильный пот.

Матвеевну всегда звали обмывать покойников. Так уж было заведено в селе. Лучше ее никто этого дела не знал. Совершенно тихая и скромная Матвеевна в этом случае стано-

вилаась почти главнокомандующим. Она четко и коротко давала указания, какую клеенку постелить на стол, как положить тело. Сама его аккуратно раздевала, потом готовила два таза с мыльной и чистой водой, губки и полотенца. Обмывать наперво начинала с лица из таза с чистой водой, аккуратно промокала полотенцем, подвязывала челюсть чистым платком, клала старинные пятаки на глаза, а уж потом мыльной водой омывала все тело от шеи к рукам и далее. И только уж потом – чистой, а потом – промакивала всего. Высыхал усопший на чистой простыне, которая сменяла по команде Матвеевне сырую клеенку. Клеенку эту потом сжигали вместе с губками и полотенцем, а тазы выбрасывали или даже зарывали за кладбищем.

Все это действие в ранешние времена Матвеевна сопровождала какими-то странными песнями-плачами. С тех пор, как прежний местный участковый лет тридцати назад пригрозил ее арестовать, если она и дальше будет разводить свою «богомольщину» Матвеевна причитать перестала, только бормотала что-то себе под нос, да временами тяжело вздыхала.

Глава местной соцслужбы была в этой процессии лицом крайне необходимым. Все ушедшие в мир иной беспризорные старики или такие же беспризорные алкоголики были в полной и последней скорбной её заботе. Она приобрета-

ла за казенный счет гроб, нанимала мужиков рыть могилу, хватало даже на крест и на венок. Все это делала Татьяна Петровна неторопливо, как бы в некой раздумчивости. Медлительность ее была всегда кажущейся, успевала она везде и во все в срок без всякой суеты. Как ей это удавалось, было загадкой для сельчан, да и для нее самой. Видать просто уродилась такая

Обгоняя всю эту процессию, на лихом, но изрядно разбитом бело-синем узатике подкатил участковый Колька. Этот молодой парень пошел в участковые, отслужив срочную в погранвойсках. Еще не так давно авторитета у него среди местных и вовсе не было, поскольку каждый знал его еще сопливым пацаном и всерьез никак не воспринимал. Не смотря на это, в целях защиты правопорядка на местных пьяных дискотеках Колька бесстрашно ввязывался в драки, сам нередко был побиваем, но пистолета никогда не вынимал и начальству о покушениях на свою жизнь и здоровье, никогда не жаловался. Может быть поэтому, а может и от одной, приключившейся с ним истории, мужики, хоть и через раз, стали его уважать и прислушиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.